

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 1 (075.8)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-174-180

Аксиология вещного мира повседневной культуры эвенков (философский аспект)

Адань

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Королева 7, г. Белгород 308000, Россия
E-mail: our.story-adafeng@qq.com

Аннотация. В современном мире исходное значение и ценность вещи определяются ее многофункциональностью и утилитарной способностью быть частью удобоприемлемых комбинаторских решений, диапазон которых оптимизируется и дополняется нами в зависимости от контекста. Наш ответ лежит в плоскости понимания того, что для эвенкийской модели повседневности характерно не утилитарно-потребительское, доминантно-прагматичное отношение к природе и вещам, а парадигма сакрального-магического взаимодействия с природным и вещным мирами, на основе которого у эвенков исторически сложилась гармония «человек – мир». В общих чертах данную парадигму мы бы сформулировали так: это ценностное отношение к природе как основа миропонимания и мироощущения. Собственно, эта модель, на наш взгляд, обладая аксиологическим зарядом и глубокой философией природы, сформировала в ходе эволюции «собираемый образ» повседневной культуры эвенкийского этноса.

Ключевые слова: эвенкийская повседневная культура, мир вещей, природный мир, аксиология, субъект-объектное мироотношение, символическое «присутствие», ценностное отношение, утилитарность, прагматизм, сакрализация, национально-этническая традиция, тунгусский костюм, декорирование, интеграция, трансформация

Для цитирования: Адань. 2023. Аксиология вещного мира повседневной культуры эвенков (философский аспект). НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 48(1): 174–180. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-174-180

Axiology of the Material World of Everyday Evenk Culture (Philosophical Aspect)

Adan

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308000, Russian Federation
E-mail: our.story-adafeng@qq.com

Abstract. In the modern world, the initial meaning and value of a thing is determined by its versatility and utilitarian ability to be part of convenient combinatorial solutions, the range of which is optimized and supplemented by us depending on the context. Our answer lies in the plane of understanding that the Evenki model of everyday life is characterized not by a utilitarian-consumer, dominant-pragmatic attitude to nature and things, but by a paradigm of sacred-magical interaction with the natural and material

worlds, on the basis of which the Evenks historically had an amazing harmony of "man– world". In general terms, we would formulate this paradigm as follows: this is a value attitude to nature as the basis of worldview and attitude. Actually, this model, in our opinion, having an axiological charge and a deep philosophy of nature, formed in the course of evolution a "collective image" of the everyday culture of the Evenk ethnic group.

Keywords: Evenk everyday culture, world of things, natural world, axiology, subject-object world relation, symbolic "presence"; value attitude, utilitarianism, pragmatism, sacralisation, national and ethnic tradition, Tunguska costume, decoration, integration, transformation

For citation: Adan. 2023. Axiology of the Material World of Everyday Evenk Culture (Philosophical Aspect). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 174–180 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-174-180

Введение

Особенности современного миропорядка, находящегося на пересечении интеграционных потоков и расширения сферы межкультурных коммуникаций, предъявляют новые требования к моделям, правилам и нормам повседневного общения. А они, в свою очередь, активно реагируют на изменение этнокультурного контекста [Алехин, 2001, с. 3]. «Установка на изживание традиций и успехи советской интеграционистской и модернизационной политики в отношении народов Севера привели к быстрым культурным изменениям, результаты которых, тем не менее, не являются однозначными, требуя дополнительных междисциплинарных исследований и целостной рефлексии» [Сирина, 2011, с. 9]. В этой связи вопросы современного состояния небольших локальных сообществ, ретрансляции этнической культуры и самосознания являются актуальными, о чем пишут многие исследователи [Алехин, 2001; Войтишек, Бочкарева, 2014; Каплин, 2000; Полякова, 2015; Сирина, 2011].

Объекты и методы исследования

Объект исследования – повседневная культура эвенкийского этноса в ее понимании как «мира одухотворенных вещей» и в контексте специфики эвенкийских национальных традиций.

В методологии повседневности мы опираемся на диалектику сопряжения «классических» и неклассических подходов в ее понимании и трактовке, отдавая предпочтение трансформационной модели, в рамках которой повседневность включает предельно широкий круг феноменов культуры, за счет чего, во-первых, раздвигаются ее функциональные границы [Болтански, Тевено, 2000; Капкан, 2016; Мясникова, Дроздова, 2015] и, во-вторых, возникает возможность исследования повседневности как относительно автономного «мира опыта», коррелирующего с другими культурными мирами (А. Шюц, Ле Гоф Же, Н.Е. Мазалова, М.Г. Рабинович, С.М. Толстая, Ж-Ф. Ревель, Э. Уилсон и пр.).

Применен междисциплинарный подход, связанный с новыми формами социальности в контексте мозаичности мира и форм его проявления, что подразумевает наличие множественности опыта и «миров повседневности» в их понимании как «индивидуальных жизненных миров». Такая методология, во-первых, позволяет интерпретировать повседневность как динамичную сложно структурированную подсистему, функционирующую в лоне материнской культуры; во-вторых, предоставляет право выбора «своей модели повседневности» из вариантов возможных; в-третьих, отрицает возможность ортодоксальных унификаций повседневной культуры (раз и навсегда заданных) параметров, поскольку это вольно и невольно ведет к недопустимым крайностям. Мы отрицаем экстраполяционные подходы

к эвенкийской повседневной культуре, когда явления прошлого необоснованно переносятся и накладываются на настоящее, поскольку они искажают положение вещей и не являются адекватными и объективными. Тем более, что на фоне межкультурной интеграции, современных глобализационных изменений традиционно сложившаяся этнокультурная шкала переживает непростой этап радикализации контекста [Алехин, 2001].

Результаты и их обсуждение

Вначале отметим некоторую бинарность в отношении сохранившихся еще у эвенкийской народности этнических традиций. С одной стороны, «современное положение коренных сибирских культур может быть охарактеризовано как кризисное» [Адань, 2019, 2020; Наурзбаева, Ким и др.; Алехин, 2001; Афанасьева, 2010; Голошумова, 2012; Новикова, 2010; Сирина, 2011 и др.], а с другой стороны, следует признать: во все времена цементирующим основанием социокультурной среды служили базовые ценности, предопределенные традицией и укорененные в культуре [Шаров, 2004; Насу, 2019 др.]. Говоря о повседневности как культурно-историческом феномене, присущем самым ранним жизненным практикам человечества, необходимо отметить несколько опорных положений, проливающих свет на особенности ее идентификации.

В этой связи скажем, что, во-первых, в повседневной жизни мы ведем себя, не придерживаясь правил рационально-рефлексивной культуры (собственно, это то, что мы в обыденном словоупотреблении привычно называем «логикой здравого смысла») [Борисов и др., 2016; Штейнмиллер, 2017]. На данном основании Альфред Шюц, социолог, теоретик повседневности, включает повседневную сферу в один ряд с другими жизненными феноменами (религией, игрой, научным теоретизированием и пр. [Шюц, 1998], он же дает типологию ее основных отличительных признаков, обращая внимание на специфическое восприятие «времени повседневности» в цикле трудовых будней, в основе чего лежит внутреннее ощущение «вчера» и «завтра» [Шюц, 1998, с. 129]. В нашем понимании никакая типология признаков не может считаться универсальной, при том, однако, что наша повседневная практика удостоверяет справедливость многих из них [Культурные..., 2016]. В свою очередь, другие исследователи отмечают, что, с точки зрения коммуникативного взаимодействия индивидуумов, каждый из участников процесса является носителем так называемых неосознанных установок-предположений, включая установку «о взаимности перспектив» по принципу: «Я принимаю на веру и предполагаю, что другой поступает также» [Лелеко, 2002, с. 160]. Логично, что в совокупности комплекс характеристик, будучи взаимосвязанным, не исчерпывает себя и обладает свойством пополнения и развития [Гудков, 1988; Золотухина-Оболина, 2003].

Во-вторых, целесообразно фокусирование внимания на очевидности сопряжения, близости и взаимосвязанности концептов «повседневность» и «быт» при том, что вполне приемлемо и оправданно разное толкование быта (от узкого до предельно общего, широкого), то есть и как «обычное протекание жизни в ее реально-практических формах». Данный аспект хорошо описан в работах российских социологов и культурологов [Лотман, 1994], к которым мы прибегаем в методологическом анализе трактовки повседневной культуры.

Обобщая вышеизложенное, скажем так: нам представляется, что в любой интерпретации и при многих теоретических нюансах толкования «быта» он а) является, образно говоря, «коллективным культурно-историческим феноменом», в) выступает процессом и результатом эволюционного пути, в) берет свое начало в ранних культурных практиках и формах материального/духовного производства, г) выступает носителем ментальных

характеристик той или иной социальности, устойчивых предпочтений конкретного этноса [Людтке, 2010; Серто, 2013].

В совокупности это означает следующее: во-первых, бытовую культуру, «быт» можно считать неизменным спутником человеческой жизни; во-вторых, повседневность, как ни какая другая сфера жизни человека, «диктует», задает ему основную систему координат, с позиций которой оцениваются и измеряются все остальные области его мышлительности. Это означает, что, по сути, любой человек может быть причастным (непричастным) к различным сферам специализированной высокой культуры, но он не сумеет «убежать» от повседневности – фундамента, на котором возводится и держится вся конструкция усвоения культурных образцов любым человеком на протяжении всей его сознательной жизни. А пространство повседневности есть частный случай социальных связей [Капкан, 2016]. Иными словами, налицо взаимопроникновение высокой и повседневной культуры, где вторая все в большей степени является питательным источником базовой культуры [Капкан, 2016] (в отличие от культурно-релятивистского взгляда на культуру как «специфический набор знаний целостных образований, обитающих в отдельных друг от друга ареалах» [Рот, Коптельцева, 2006, с. 34].

По нашему мнению, такая ситуативная специфика имеет вполне логичное объяснение. Она в известной мере свидетельствует о процессах стирания, смягчения каких бы то ни было культурных демаркаций в современном интегрированном мире, в котором, к сожалению, наблюдается частое несовпадение реализации жизненных установок и принципов моральной практики [Головко, 2009]. Строго говоря, мы разделяем подход, согласно которому этническая культура, в том числе такая ее часть, как культура повседневности, погружена сегодня (впрочем, как и всегда) в широкий коммуникативный контекст, в котором, собственно, развиваются и функционируют те или иные этносы (в нашем случае это эвенки – носители этнической культуры в ее уникальной качественной специфике) [Вахтин, 1993]. В модусе повседневности культурное измерение пространства выражает его функциональные характеристики и тесно связано с реализацией утилитарных ценностей, в свою очередь, отличающихся устойчивым набором значений. Это наглядно прослеживается на материально-духовной сфере вещей, которые, как известно, могут многое рассказать об их обладателе, хозяине вещи, субъекте повседневной культуры.

В этой связи обратимся к отношениям людей и вещей в контексте их взаимного влияния и контакта, отметив, что в традиционной эвенкийской повседневности между человеком и принадлежащими ему вещами устанавливается некая сакральная и природная связь, восходящая к древним магическим представлениям. Вещи поэтизируются, одухотворяются, поскольку существует явное или неявное представление о «душе» вещи. И это вполне объяснимо и естественно, ведь «вещь ценна тем опытом, который связан с ней. Велико значение эмоционального аспекта образа вещи, поскольку она представляет собой материализованную память о прожитом. Вещь передает информацию о своем создателе и поколениях обладателей, что создает особую ауру индивидуальных воспоминаний и культурных коннотаций» [Капкан, 2016 с. 53], с чем трудно не согласиться.

На наш взгляд, это особенно проявляется в модели национального тунгусского костюма и его декорирования (а шире – в одежде как одном из образцов повседневности, а также в практиках повседневного быта, в котором присутствуют и живут своей жизнью образы и элементы окружающего первозданно-девственного мира, комфортного жизненного пространства эвенков – «детей природы»). Также подчеркнем: анимистическое мировоззрение (олицетворение, одушевление и персонификация природы) – неизменного спутника эвенкийского взгляда на мир, в котором, заметим, миссия человека значима, но она ни в коей мере не наделяется статусом исключительности. Описание такой парадигмы есть у исследователей. При этом имплицитно признаки этой связи обнаруживаются в тра-

диционной эвенкийской культуре повседневности. Их можно обнаружить в мифологических преданиях и произведениях современных эвенских и эвенкийских писателей и поэтов, в традиционном народном искусстве (вышивки или рисунки-обереги в виде оленьих рогов, деревьев с развилками, птичьих лапок), в верованиях, в фактах повседневной жизни.

Надо сказать, что отношения эвенков и эвенов с животными – это разновидность социальных отношений, иллюстрирующих общие представления эвенков об окружающей природе и сформировавших специфическое, отчасти сакральное мировосприятие, которое, как в зеркале, отражается в культурных практиках повседневного быта. Такая этика имеет, на наш взгляд, сильный аксиологический потенциал не только в настоящем, но в горизонтах коэволюционной планетарной жизненной стратегии. Она дает надежды на решение глобальной экологической проблемы, сопряженной с проблемой не менее острой – системных духовным кризисом культуры в третьем тысячелетии. И в этом плане эвенкийские традиции, восприятие мира и природы несут в себе значительную ценность как образец мироощущения и отношения к природе. В данном контексте правомерно говорить о гуманистической сущности эвенкийской культуры, о чем наглядно свидетельствуют и стороны повседневной бытовой жизни, и сфера искусства, и народный эпос, фольклорная устная и певческая традиция.

Сегодня налицо расхождение между важностью установки среди эвенкийской народности на неуклонное сохранение своей идентичности, сбережение традиций природопользования, для чего требуется приложить усилия, с одной стороны, и относительно независимым характером мировоззрения эвенков, специфика которого сложилась в процессе их культурного исторического генезиса, предопределив формы быта и образа жизни, обусловленных и сегодня синкретичностью их «природного» сознания – с другой.

Заключение

Практически во всех атрибутах повседневной культуры эвенков (от простых предметов домашней утвари и одежды до росписи головных уборов и украшений) присутствует отличительная особенность – традиционное искусство и техника декорирования изделий, что в наиболее ярком виде нашло отражение во внешнем облике и функциональности национального традиционного костюма. Представляется правомерным утверждать, что именно эвенкийское декорирование определяет «эстетику вкуса» вплоть до настоящего времени. Во многом именно декор формирует уникальный эвенкийский колорит и «узнаваемость» всех эвенкийских изделий. При этом сегодня, как и в древности, образы эвенкийской культуры наполнены глубоким и во многом «потайным», сокрытым от посторонних глаз смысловым содержанием. Особую роль играет орнамент, который отличается строгой геометричностью, структурной, ясностью, простотой формы, композиционной сложностью, насыщенностью цветовой гаммы, наделялся сакральной силой. Семантику декора определяет культ природы [Адань, 2020].

Собственно, в этой «природной» специфике и состоит основополагающая парадигма эвенкийской повседневности, «строительными лесами» которой, как мы постарались показать, выступает одухотворение вещей и отрицание их сугубо утилитарного, прагматичного предназначения в культуре.

Список литературы

- Адань. 2020. Аксиология человекообразности знания и культуры. В кн.: Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 12 февраля 2020 г.). Белгород, БГИИК, 334 с.
- Алехин К.Д. 2001. Этнокультурная характеристика локального сообщества. Проблемы коммуникативной культуры: на материале эвенков Суринды. Проблемы коммуникативной культуры. Дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск, 197 с.

- Бодрийяр Ж. 1993. Система вещей. М., Рудомино, 123 с.
- Болтански Л., Твено Л. 2000. Теоретические проблемы социологии и социальной антропологии. Социология критики и оправдания. Журнал социологии и социальной антропологии, 3: 66–83.
- Борисов С.Н., Борисова О.В., Калинина Г.Н. 2016. Знание и наука: культурно-историческая эволюция и современность. Белгород, ООО «Иридис», 132 с.
- Головко В.В. 2009. Сущность и содержание нравственной культуры. Нижневартовск, Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 170 с.
- Гудков Л.Д. 1988. Культура повседневности в новейших социологических теориях. Общие проблемы культуры: Обзорная информация. М., Формкультура, 32 с.
- Золотухина-Аболина Е.В. 2003. Повседневность и другие миры опыта. М., Ростов н/Д, МарТ, 192 с.
- Капкан М.В. 2016. Культура повседневности. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 110 с.
- Серто М. де. 2013. Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб., Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 330 с.
- Культурные локусы «города» и «деревни» в свете мир-системного анализа: монография. 2016. Отв. ред. Е.Л. Антонова. Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 165 с.
- Лелеко В.Д. 2002. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 160 с.
- Насу. 2019. Монгольский народный музыкальный инструмент моринхуур в культуре Китая (проблемный ракурс). Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 4(32): 76-84.
- Рот Юлиана, Г. Коптельцева Г. 2006. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 36 с.
- Рыбалкина П.В. 2017. Генезис проектного мышления в истории культуры. Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал БГИИК, 2(14): 76-80.

References

- Adan. 2020. Aceology chelovekoobraznoe of knowledge and culture. The science. Culture. Art: actual problems of theory and practice: collection of reports of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Belgorod, February 12, 2020): in 3 volumes / Responsible editors: Yu. V. Bovkunova, S. N. Zenin, A. A. Shakmakov. – Belgorod : the BGIK. 1: 75-77 – 334 (in Russian).
- Alyokhin K. D. 2001. Ethno-cultural characteristics of the local community. Problems of communicative culture: Based on the material of the Evenks of Surinda. Problems of communicative culture. Dis... to the history of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, 197 p.
- Baudrillard J. 1993. The system of things. Moscow: Rudomino, 123 p.
- Boltanski L, Teno L. 2000. Theoretical issues in sociology and social anthropology. Sociology of Criticism and Justification. Journal of Sociology and Social Anthropology, 3: 66–83 (in Russian).
- Borisov S. N., Borisova O. V., Kalinina G. N. 2016. Knowledge and Science: Cultural and historical evolution and modernity. Belgorod, LLC "Iridis", 132 p.
- Golovko V. V. 2009. The essence and content of moral culture. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevart. humanit. un-ta, 170 p.
- Gudkov L. D. 1988. Culture of everyday life in the latest sociological theories / L. D. Gudkov. General problems of culture: Overview. Moscow: Permculture, pp. 1-32. (in Russian).
- Zolotukhina-Abolina E. V. 2003. Everyday life and other worlds of experience. Moscow, Rostov n/A : March, 192 p.
- Certeau M. de. 2013. The invention of everyday life. The art of making /M. de Serto; per. with fr. D. Kalugin, N. Movnina. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 330 p.
- Cultural loci of "cities" and "villages" in the light of world-system analysis: monograph. 2016. ed. by E.L. Antonov. Prague: Vedecko vydavatelske centrum "Sociosfera-CZ", 165 p.

- Leleko V. D. 2002. The space of everyday life in European culture. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts, 160 p.
- Nasu. 2019. Mongolian folk musical instrument morinhuur in the culture of China (problem perspective). Humanitarian Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University. Issue 4 (32). Т 1: 76-84 (in Russian).
- Rybalkina P.V. 2017. Genesis of project thinking in the history of culture. The science. Art. Culture. Scientific peer-reviewed journal of BGIK. Issue 2 (14): 76-80 (in Russian).
- Sirina A. A. 2011. Problems of typology and continuity of ethnic cultures of Evenks and Evens (late XIX-early XXI centuries). Autoref. dis. Specialty 07.00.07-ethnography, ethnology and anthropology. Moscow, 46 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.09.2022

Received September 28, 2022

Поступила после рецензирования 30.10.2022

Revised October 30, 2022

Принята к публикации 30.10.2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Адань, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

Adan, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia